

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА
«СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

ТАТЬЯНА ПАЦАЕВА

ФЛИГЕЛЬ

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2014

Пацаева Т. Ю.

Флигель.

М.: Вест-Консалтинг, 2014. – 40 с.

ISBN 5-86676-???

Татьяна Пацаева – окончила МГУ, живёт в Москве, автор поэтических книг и подборок стихов в периодической печати. Стихи публиковались в журнале «Юность», в «Литературных известиях», «Словесности», «Империи Духа» и других изданиях, включены в словарь «Славянская мифология». На тексты стихов написаны песни. С 2007 г. входит в поэтическую группу «Сёстры во Эвтерпе», автор и ведущая одноимённого сетевого проекта. В раздел «Флигель Гликерии» вошла часть стихотворений, написанных в рамках этого проекта, основанного на литературной мистификации. Три девушки, доведя поклонение Музам до религиозного накала, удалились в виртуальную Обитель с тем, чтобы посвятить себя воспеванию Единства и Красоты Бытия. Объектом поклонения они выбрали Эвтерпу, музу лирической поэзии, а сами приняли новые имена (сестра Прасковья, сестра Мальвина, сестра Гликерия) и стали совершенно другими людьми.

© Пацаева Т.Ю., текст, 2014

© Союз литераторов России, идея издания, 2014

© Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2014

ИЗ ЦИКЛА «ФЛИГЕЛЬ ГЛИКЕРИИ»

* * *

Кружат кривые чудеса,
скользя по памяти зеркальной,
а я держусь за небеса,
чтоб быть предельно вертикальной.

* * *

Тлеющих яблок запах нетленный
плывет из сердцевины сентября...
На суперструнах Бытия
играют Полдень ре мажор
под одобрение Вселенной.
И жарко, и тепло, и холодно немного...
Осенний георгин пылает у порога.

* * *

Похож на приоткрытые ладони
чуть только распускающийся лист,
как будто аплодирует Природа,
сама себе и зритель, и артист.

Дыхание мантры

Тем яснее ответ, чем невнятной вопрос,
и ответ озаряет от стоп до волос.
А душа, не спеша, свое дело верша,
льет на нервы елей из литого ковша.

Шепот тела от неба как свет отражен,
и под сердцем светильник бесшумный зажжен.
Вдох и выдох - как схи́ма и ве́ха,
в ухо эхо, и тихо до смеха.

Трансцендентальная поэзия

*Кай тоже складывал... фигуры из льдин,
и это называлось «ледяной игрой разума».
В его глазах эти фигуры были чудом искусства,
...но никак не мог сложить... слово «вечность».*

Г. Х. Андерсен

Сталактиты морозной поэзии
в ледяном совершенстве по Цельсию
на холодных губах станут азбукой,
потому что у Кая приказ такой.

Герде слезы нужны и дыхание
чтоб размыть совершенства искания,
не отдать Кая в Вечность, аскезе и
поцелуем смыть иней поэзии.

* * *

Мы жили на даче в период удачи,
так мало что зная, так много что знача.
Жужжали за жизнь, жарко, жадно, не жалея,
лежали, дружили и не уезжали.

А пчелы тонули, лакая наш мед.
Никто и не верил, что это пройдет.
Мы верили жадно, мы верили страстно,
что жизнь бесконечна, добра и прекрасна.

Сегодня я слушала спелые травы,
и травы сказали, что мы были правы.

* * *

Лунный свет очень нежно
 через окна вошел,
оплетён орхидеей
 ошарашенный ствол.

Первозданного счастья
 слышу тему и смысл,
и уходит сквозь темя
 предпоследняя мысль.

Закат

Темно-каряя ночь
уже надевает тиару
и облако стелет удобно
на звездном краю.
И, у рока в руках,
золотую сигару
курит мартовский день,
ожидаю подругу свою.

Московская жара

Полуголые красотки
украшают зной-жару.
На Садовом пекло-пробки,
а в субару, как в бору,
полутень и мягкий холод,
сладко плавятся слова.
Как калач печется город,
златоглавая Москва.

Изнанка весны

Серый бисер рассыпать по небесам
станет осень, сея сумерки, как спам
страсть и славу летних дней приуменьшать,
игры в бисер вместо счастья предлагать.

Станет души распрямлять и расслаблять,
полосатым серым пледом укрывать,
как изнанкой эндорфиновой весны,
чтоб унялись мы, спокойны и честны.

* * *

Уютная печаль...
Пчелой из сладкой кельи
не хочет вылетать
цветочная душа,
а хочет переждать
нектарное похмелье
и патокой печали
залиться не спеша.

* * *

Живу, как крашу дней квадраты,
но непослушны краски часто,
я набираю винно-красный,
а он ложится желтоватым.

Лазурь напоминает дым,
когда кладешь ее без меры,
и в то же время темно-серый
вдруг одаряет золотым.

Последний день закрашу белым
и стану тихо отходить
всё дальше, чтобы охватить
издалека картину в целом.

И тут, весь холст еще любя,
постигну замысел, идею,
ошеломлюсь, похолодею
и автором признаю – не себя.

Фиалки и буря

Ведьмачья изба высока и крепка,
забита фиалками до потолка,
их тени как чертики в свете свечи,
и ведьма сжигает их в черной печи.

И пепел плотнее сжимает в горсти,
чтоб плот через Лету из пепла сплести,
там плоть, как перчатку, срывая с души,
бес руку целует в летальной глуши.

Пропорции смеси, где пепел и прах,
вбивает в свой ноут на курьих ногах,
и жмет, просвещенная нечисть, «delete»,
и адские смеси слетают в Аид.

Повсюду фиалки в ведьмачьей избе,
лиловые знаки на черной судьбе,
она их и месит, и варит, и жжет,
и бурю, мятежная, в дури зовет.

И черные книги бросает в котел,
чтоб пар фиолетовый в небо пошел,
чтоб туча людские селенья покрыла,
чтоб всем навсегда фиолетово было.

У бури был волчье-лиловый оскал,
как будто бы бурей черт небо ласкал.
А небо хотело спасать и прощать,
любило по-своему, нам не понять.

* * *

Цветок распускается взрывом,
и счастье густеет в крови
и вязко стекает по жилам.
Воды концентрату любви!

Зимние тучи

Снова бесы небес
с перевесом и без
беспокоят бессмертную душу.

Тучный демон летит,
мутным глазом глядит,
сыплет снег на застывшую сушу.

* * *

Я стягиваю узкий свитер через голову,
и больно волосы цепляет воротник.
Ох, больно это будет, вероятно,
всё это тело стягивать с души.

* * *

Шуршали листья под ногами привидений,
луна пугала нездоровой полнотой,
и этот мир был полон морока и тленья,
как это скверно — навсегда попасть в такой.

Безмерно лучше — потакать веселым чарам,
держат удар, навзрыд прощенья раздавать,
пройти сквозь озаренья и пожары
и недодавшим подавать и подавать.

Осенний вариант

Струится синоним тоски –
поздняя осень.

Взмахом нетленной руки
Мать-Природа приносит
в мир немного хинина
от лихорадки и страсти
и ушат аспирина
от жара и счастья.

Вымокнем в слезах дождя,
как пропотеем,
и, мысли умнее кладя,
дров наломать не успеем.

* * *

Весна... За что мне такое счастье?
Мы шли, и воздух плотнел от страсти,
как будто бы мы рассекали волны.

День зажигался настолько полно,
что это казалось такой вершиной,
с которой вся жизнь до конца обозрима,
и представлялось невероятным,
что может хоть что-нибудь быть неприятным.

Было так томно, что мы сидели
в каком-то горящем тюльпанами сквере,
и люди, и звери от нас вдохновлялись.
Плыла вершина. Мы — не спускались.

* * *

Мерцает век под скальпелем искусства,
и душно пахнет старое саше...

Стихи, как губка, впитывают чувства,
чтоб суше становилось на душе.

ИЗ ЦИКЛА «НОРМАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ»*

Нормальное распределение**

$$p(x) = \exp(-x^2/(2 \sigma^2))/((2 \pi)^{1/2} \sigma)$$

К. Гаусс

Рассматривая колокол гауссианы,
я вижу, как она прочна и высока
над серединой человеческого клана,
где вероятность быть нормальным — велика.

Я думаю о том, как тяжело, однако,
наш купол давит на края, свою опору,
на тех, кто вытеснен или отмечен знаком,
кто чересчур велик или низок, кто не впору.

Кариатидами, держащими карниз,
они подхватывают этот свод недаром,
чтоб он не грохнулся на твердь земных абсцисс
со звонким апокалиптическим ударом.

И раз, Господь, на оба края давит кладь,
и отрицательность — опора бытия.
Так не давай же недалеким отрицать
необозримые далекие края.

Ты видишь там калек, на ближних непохожих,
святых и палачей у жизни на краю,
глупцов и мудрецов? Ты им подаришь, Боже,
Тобой забытый дом под лаврами в раю?

* Некоторые стихотворения этого раздела представлены в новой редакции.

** Нормальный или гауссов закон распределения говорит, что чем больше отклонение от среднего, тем оно менее вероятно. Соответствующий график имеет вид купола с максимумом над средним и краями, убывающими до нуля на бесконечности.

Осень

В осеннем сумрачном начале
есть утешение и шанс,
оно таит в своих печалях
какой-то болдинский нюанс.
Струятся творчество и дождь.
В концерте лучше, чем в лесу,
где надоедливая дрожь
мешает трогать красоту.

Как королева-мать, вдова,
хозяйка золотых концессий,
ведь осень, в сущности, права
в жестокости своих депрессий.
И как ее ни славословь,
она брюзжит и сеет сплин.
Спасает верная любовь,
варенье, книги и камин.

Сумерки

Я помню шелест легкой пленки
вокруг букета темных роз,
твой оклик, мягкий и негромкий,
знакомый твой полувопрос
«Ты опоздала?», мы входили,
а в увертюре между тем
мотив волшебной сегидильи
распознавался, и совсем
снаружи сумерки сгущались,
и пахло городской весной.
Теплом и жизнью зажигались
большие окна на Тверской.

* * *

На кухне сядем мы, обсудим день и дом,
политику и чай, стихи и вечность.
Я жизнь увижу под твоим углом.
С двух точек видимый, мир обретет объем
и глубину, и бесконечность.

* * *

Летела веселая ведьма
над лесом, любясь собой,
и косы расплавленной медью
блестели под полной луной.

Летела к сестрицам и братьям
на шабаш, беспечный и злой,
лохмотья цветастого платья
взвивались над желтой метлой.

И ведьма визжала от счастья,
а тень ее в свете луны
стремительной кляксой всевластья
ломалась о кочки и пни.

И пахло крапивою свежей,
сорняк наливался в саду,
лягушки хихикали нежно
в оливковом топком пруду.

На даче

Мягко шины машин прошуршали о щебень,
это гости уехали в черный бархат весны,
я устроилась в кресле и вынула гребень,
погружаясь в усталость и в уют тишины.

Прошлое с будущим пошептались и скрылись,
время замерло в позе удобно простой,
тьнь стеклянных бокалов прозрачно ложилась
на белевшую скатерть возле ветки густой.

* * *

Проследишь ли изгиб геральдической линии
через призму разрушенных лет,
если линии судеб чернилами синими
вдоль судебных запутали след?

Чистой линии призраком звук металлический
замирает в пустых казематах.
Ты не знаешь, как звали прабабку в девичестве.
Что ты видишь над стершейся датой?

Об одном поэте

Извиваясь в попытке пролезть
между рифами ритмов и рифм,
мысль в подкорке затертую весть
будоражила тельцем своим.

Весть, вибрируя, грела очаг.
Где очаг, там и детки, из вести, и,
раз под коркой тепло, по ночам
вылупляются новые, бестии.

У известий нет форм, кроме слов,
а у слов — кроме рифм, вы поверьте мне.
Мысли множатся снова, с основ,
и ползут на поверхность, к бессмертию.

* * *

В престранный час я осознала суть,
и свет упал на золотую гладь
издерганного обмороком неба,
тоннель отверзся и открылся путь,
но истину затмили явь и стать,
а обморок — как будто бы и не был.

Эйфория

Я летала в золотистом и мерцающем тумане
над пространством узких улиц,
 скверов, крыш и площадей,
я вытягивала руку, а другую прижимала
плотно к телу — так удобней, чтоб лететь еще быстрее.

Налетавшись, опустилась на балкон свой очень плавно,
небо сильно потемнело, над балконом — шар луны.
Я от радости устала после той прогулки славной,
и хотелось мне отвлечься от красивой тишины.

Я тогда смотреть старалась
 на балконный хлам ужасный,
но бутылки так мерцали, как глаза зеленых фей,
старых мужниных ботинок
 тьень ложилась так прекрасно,
будто замок королевы из давно минувших дней.

* * *

Жизнь сегодня прекрасна вдвойне,
в ее взгляде и блеск, и веселье,
и она обернулась ко мне
изумительной фотомоделью.

Надо правильный ракурс избрать
и под внутренний шум дифирамбов
попытаться отснять ее статью
на бумагу с эмульсией ямбов.

Первое января

Родилась я, по-моему, кстати —
в час, когда карнавальные платья
отражались в блестящих шарах,
как в волшебных кривых зеркалах.
Юбилейные свечи в мерцающем круге
теплый дождь новогодний с тех пор обсыпал,
мои праздника два отражались друг в друге
миражом отраженных друг в друге зеркал.

* * *

Кот наяривал на скрипке
во главе приват-оркестра,
управлял оркестром гибкий
и отличный хвост маэстро.

Флокс топорщился бумажно
у козла под барабаном,
гусь-эстет брэнчал вальяжно
на вспотевшем фортепьяно.

Хрюша так воссоздавала
стиль «гопак» и «варьете»,
что контральто разрывало
третий ярус декольте.

Гости тоже голосили
в упоеньи доброй пьянки
и коту преподносили
смачный ковшик валерьянки.

Валерьянка повисала
янтарем на рыжей морде,
и смычок звенящим жалом
изнывал в мажор-аккорде.

А черемуха казалась
ароматной меломанкой
и азартно состязалась
и с козлом, и с валерьянкой.

Ах, ты, господи! Ромашки
хохотали, как кокотки.
Поглазеть сползлись букашки
с огородов всей слободки.

Полстолетя с той гулянки
вспоминал народ с улыбкой,
как, сдурев от валерьянки,
кот наяривал на скрипке.

Сонет

Здоровенький и одинокий
зверек удачливо скакал,
а изумрудный свод сверкал,
и двигались с псалмами соки.

Зверек, рулем хвоста виляя,
прилежно слушался Отца,
всегда во всём осуществляя
свои желанья до конца.

Мне нравится, что вновь и вновь
искусство, вера и любовь
пытаются, пусть безуспешно,

успеть до страшного конца
вернуть общественных и грешных
к начальным замыслам Творца.

* * *

Серебристая, ночная
наплывает тишина,
и русалочка речная
поднимается со дна.

Лунный блик на коже влажной,
и бледна, и хороша,
так что будто и не важно,
есть ли у нее душа.

И распущенные косы
перекинула на грудь,
а в глазах, слегка раскосых,
то ли нежность, то ли жуть.

Льется странный смех в округе.
Вот он стих, а вот он вновь...
Путник крестится в испуге:
«Тьфу ты, нечисть, рыбаь кровь».

* * *

Легкие белые занавески,
с их рисунком наивной фрески,
украшают мой странный уют.

Свет луны удержать не в силах,
так как слишком тонки и красивы,
в полнолуние уснуть не дают.

Их узор простотою нетленной
не спасает меня от Вселенной,
а от взгляда людского — вполне.

Пеленою прозрачной и тонкой
защищают меня, как ребенка,
от всего непонятного мне.

А Луна — это друг и союзник.
Одиночества временный узник,
я люблю ее и узнаю.

Я боюсь только зла городского,
только чуждого глаза мирского,
потерявшего тайну свою.

* * *

Сегодня над белыми розами
летают лиловые бабочки,
танцуют жуки со стрекозами
и топчут цветочные шапочки.

Сегодня, как мультик Диснея,
мир нежен, изыскан и чист.
По стеблю ползет, не робея,
решительный жук-оптимист.

Сплетения

Я так тренируюсь — учусь говорить
на этом чудном языке подсознания,
распутывать, скручивать, складывать нить
в узор архетипов, как в петли вязанья.

Как в петли сплетения нити, ведущей
меня в лабиринты моих же ответов,
где всем отраженьям предметов присущи
первичные качества этих предметов.

Крючок, как клюка, тянет нить Ариадны,
уставшей бродить по пещерам сознания,
где стены двоятся, ступени прохладны,
и всё это — входы в подвал мироздания.

Язык подсознания — рифмы и ритмы,
там ритмы и рифмы, подвал и прохлада.
Мой тренинг кончается, плотно и слитно
закроются петли последнего ряда.

ЭССЕ

Кави-йога

*«Рояль дрожащий пену с губ облизнет.
Тебя сорвет, подкосит этот бред».*

Б. Пастернак

На блаженство уговаривать не надо. По воззрениям йогов мир исполнен некоего изначального блаженства и гармонии, которые пронизывают природу и души людей. И не только по воззрениям йогов. Во всех религиях и культурах есть понятие благодати, блаженности. Но излишняя «вовлеченность» в жизнь, суетность, «застрессованность» современного человека мешают ему чувствовать это изначальное, ни с чем не связанное счастье. При практике медитаций, при опытах внутренней тишины, это изначальное блаженство ощущается сильнее (*За гранями камня, за бликов движеньем, /мерцание сути его холодеет,/ он мир отражает кристально-блаженным,/ каков он и есть в абсолютной идее*)*.

Во время медитации разум выходит за пределы относительного опыта, т.е. всех впечатлений, мыслей и чувств и ощущает опыт Абсолютного Бытия, состояния Брахмана. По природе своей ум устроен так, что при приближении к этому состоянию он испытывает всевозрастающее ощущение счастья. Это специфическое, особенное блаженство, Ананда**, принципиально отличается от всех остальных «обычных» радостей и впечатлений жизни. «Знающий Брахмана как блаженство ничего не убоится»***.

Часто бывает так, что личный опыт переживания Ананды, опыт самадхи****, ставший одним из сильных впечатле-

* Курсивом – из стихотворений автора.

** Термины, описывающие измененные состояния сознания, могут быть различными у разных авторов.

*** Тайт. Упанишад.

**** Самадхи — высшая степень медитации, похожие состояния называют нирваной, сатори и т.д.

ний личной жизни души, также просится быть выраженным вовне, как любовь, страсть, печаль, надежда и всякое другое чувство. Но Брахман — это «то, что не раскрывается в речи, но благодаря чему раскрывается сама речь»*. Сама природа этого блаженства основана на безмолвии, на Тишине Абсолютного Бытия, когда замолкает не только внешняя, но и внутренняя речь. Абсолютная удовлетворенность отсутствием эмоций сама становится эмоцией, которая, как и всякая эмоция, жаждет внешнего выражения. *(Ум становился счастьем тесен, /Безмолвие — хотело петь, /и эта золотая плоть/ гнала обратно в царство песен.)*

Опыт самадхи — это так называемый нетранслируемый опыт. Вкус фрукта легко почувствовать, но трудно описать. Так как же совместить невыразимость опыта и стремление к его выражению? И тут на помощь приходит искусство вообще и поэзия с ее вечным стремлением выражать невыразимое в частности, Но как же раскрыть, как выразить в стихах Ананду, постигаемую в безмолвии? Ведь стихи это всё же одна из форм речи, да еще речи традиционно взволнованной, эмоциональной, «громкой»? *(Ведь я же Замок Тишины /разрушу первым же аккордом?)* В чем выход из этого противоречия, из этого кажущегося софизма?

Воздушный замок с камином. Выходов много. Один из способов — поиск «проекций» Ананды на то, что прекрасно, что субъективно традиционно воспринимается разумом как прекрасное и может быть хоть как-то выражено. Величие всей этой природы, неба, пещер, кристаллов и океанов. Эффект впечатляющих человеческих чувств, божественных образов индийской и мировой мифологии. Тепло очага и прелесть и изящество мелочей жизни. И всего этого много, очень много. Перебирай эти «проекции», и выражай свое невыразимое, то приближаясь к нему, то отдаляясь, как бабочка кружит вокруг огня, то обжигаясь, то пропадая в темноте. Даже если бы зритель не видел

* Кена Упанишад.

лампу, он мог бы представить себе, где она и какая, наблюдая за движением бабочки.

Но, разумеется, ни одна из этих проекций Анандой не является, это лишь отблеск отблеска ее. Как ни много в этой жизни прекрасного и значимого, но ничего, полностью адекватного Ананде, нет (*там голос Вечности пронзителен и внятен, /и он единственный, кто адекватен*). Ее можно сравнить с той блаженной первичностью жизни, которая еще не разведена и не разлита по четырем стопкам ямба.

Известно, что существуют различные виды йоги как разные пути, ведущие к одной и той же цели — постижению Ананды, Брахмана, Абсолютного Бытия: — раджа-йога, карма-йога, бхакти-йога и т.д. А тот способ и путь восприятия и выражения Ананды, о котором пойдет речь, автор предлагает назвать **«кави-йога»** (на санскрите кави означает поэт, мудрец)

Если рискнуть рассматривать кави-йогу как поэтический метод, можно сказать, что один из его приемов — это когда вам предлагается обрести надежную опору в воздушном замке (*...неба многозвездочный отель*). В таком теплом, сухом, добротном сколоченном воздушном замке. И каждая одна такая проекция Ананды, каждый из отблесков отблеска — это один из камней этого замка.

Иногда кажется, что современная поэзия несколько потеряла качество, которое было ей присуще еще недавно, в серебряном веке, — эндорфиновый рай. То почти физиологическое удовольствие, которое вызывали стихи прошлого, ту сладость и восторг читатель теперь больше ищет в том, что называют эзотерикой.

Кави-йога как метод — это попытка соединить понятность, законченность, проявленность с тонким нетранс-

лируемым опытом в безумной попытке обрести преемственность душевных движений и целостность сознания (т.е., читай, покой и счастье) и, как это ни странно, но иногда это удается.

Кави-йога – это стихи (и не только стихи) позитивного содержания, блаженные, сладостные, сияющие или прозрачные. А иначе, какая же это Ананда? Выражающие светлые стороны реальности. Это так называемая «сладкая правда». Воспеваются особо удачные находки Творца в деле построения мироздания. И в то же время нельзя сказать, что это радость жизни, хотя с виду это и так. Иногда это радость «не-жизни», в том смысле, что жизнь в обычном житейском понимании трансцендируется или всё явленное ощущается как манифестация Брахмана, блаженства Абсолютного Бытия.

И в то же время понятно, что всякий, кто жил, страдал. Всякий, кто творчески честен, – не может этого скрыть до конца. Поэтому какие-то нотки грусти и в кави-йоге неизбежны. Но их должно быть мало, чем меньше, тем лучше.

Кави-йога, в отличие, скажем, от метаметафоризма с его сгущенными, тотальными метафорами, где «каждая вещь – вселенная», стремится к максимальной «понятности», насколько это возможно при выражении несказанного. Кави-йог как бы пытается нырнуть как можно глубже, а вынырнуть как можно «ближе». Идеальное произведение кави-йоги должно быть простодушно понятно неискушенному читателю, прочитываться на поверхности как, например, красивое стихотворение о природе, или пусть о медитации, но всё равно «понятно», и в то же время содержать обертоны, подтекст, «информацию» Брахмана. «Непонятность» ассоциируется с непокоем, а кави-йога должна нести в себе ту же нетревожность, тот же Покой, что и истинная Ананда.

От этого кави-йога больше тяготеет к рифмованным и ритмическим стихам. Устоявшиеся силлабо-тонические размеры с их оправданностью ожиданий и соответствием каким-то внутренним частотам как бы лучше подходят для выражения более глубоких, спокойных слоев сознания, чем тревожащие его верлибры.

Отблеск в глаза. Для кави-йоги характерна повышенная склонность к олицетворениям*, персонификациям**. Вероятно, при достижении более тонких, глубоких слоев психики активизируются ее архетипы и гештальты, изначально имевшие личностную окраску. Вероятно, это же лежало в основе генерации образов богов в сознании медитировавших риши (мудрецов, слагателей гимнов, кави), *(из глубин их молчанья всплывающий Образ /затмевает светила в небесной дали)*. Разумеется, для этого не обязательно нужна медитация в узком смысле.

Лев Толстой писал о трех необходимых признаках искусства – особенность, ясность и, главное, искренность. А повышенная генерация олицетворенных образов у кави-йога как бы доказывает, что он «там», на глубине, был, и косвенно подтверждает его искренность. Как следователь верит свидетелю, что он в некоем месте был, если свидетель нечаянно упоминает находившиеся там предметы и подробности.

А «там», при погружении в глубину, всё как бы вспыхивает и олицетворяется, прежде чем совсем замолкнуть в абсолютном блаженстве чистого Бытия *(и, у рока в руках, / золотую сигару /курит мартовский день...)*, *(Прошлом с будущим пошептались и скрылись, /время замерло в позе удобно простой)*, *(и, вечер оттолкнув, к окну прижалась ночь)*. Впрочем, между поэзией и медитацией не

* Олицетворение — вид метафоры, перенесение свойств одушевленных предметов на неодушевленные.

** Персонификация — представление природных явлений, человеческих свойств, отвлеченных понятий в образе человека.

может быть четкой границы. Достаточно вспомнить из Пастернака – «Рояль дрожащий пену с губ оближет...», «Ведь ночи играть садятся в шахматы /Со мной на лунном паркетном полу/.../И страсть, как свидетель, седеет в углу.», «Тоска пассажиркой скользнет по томам/ И с книжкой на оттоманке поместится».

Что же касается поиска проекций, то среди всех этих проекций Ананды, среди всех этих воздушных замков и образов есть один, хотя и проявленный различно, Один, образ, Образ, Суперобраз. Что так же огромно, безгранично, блаженно, независимо от суетных человеческих страстей, как опыт Абсолютного Бытия? Это только Он, Господь, Творец вселенной. Найдя такой удачный образ, архетип, гештальт мы преодолеваем противоречие выражения невыразимого (*Нет-нет, я должен здесь, сегодня, не то, чтоб петь, но подпевать, разгадывать и прославлять оттенки замысла Господня*). Воспринимая весь мир, как Его цветущий сад, мы получаем новые возможности для внешнего выражения Ананды (а, следовательно, не скованные больше немотой, получаем возможности для внутреннего постижения и развития). Да и образ ли Он? Да не мы ли сами созданы по образу и подобию Его?

Известно, что отношения могут существовать только в развитии. И отношения с Всевышним – не исключение. Суперобраз, архетип Бога-Отца в наших душах развивается, требует осмысления и проекции вовне.

Поклонение на Образѣ. Практиковать медитацию и ощущать опыт блаженства могут и верующие, и атеисты. Вера не является необходимым условием для занятий. Но если опыты были успешными, то вставший на путь кавийоги «под скальпелем природы и искусства» начинает постепенно сближать религиозную и материалистическую модели мироздания, даже если он был воспитан в атеизме. И тогда глубокая щель между ними становится такой

узкой, что через нее уже не страшно перебраться по изогнутому мостику метафоры.

Вспомним, что человеку естественно воспринимать как личность самого себя, отождествляя при этом свое «я» главным образом со своим сознанием, мыслями, чувствами, воспоминаниями, т.е. со своим думающим умом. Но ведь человеческий ум, по сути, зависит от состояния мозга как от физико-химической системы с ее нейронами, импульсами и волнами. А это система, в свою очередь, зависит от всего организма, от обмена веществ с окружающей средой и т.д. И всё это управляется теми же Законами Природы, что и всё остальное Мироздание. Да и сам думающий ум в значительной мере зажат между впечатлениями внешнего мира и импульсами бессознательного. И мы эту «систему», зависимую и зажатую, естественным образом персонифицируем, олицетворяем. Имеем, в сущности, в своем сознании художественный образ себя. Воспринимаем, как личность.

Выше говорилось о том, что попытка выражения Ананды усиливает стремление кави-йога к олицетворениям, персонификациям, представлению явлений и абстрактных понятий в личностном образе. Так отчего же тогда не олицетворить, не персонифицировать, не представить как Личность более высокого порядка Целостный Закон Природы (т.е. все законы природы в их единстве)? Отчего не олицетворить «систему» бесконечно более сложную, сущность, охватывающую собой Космос, Вселенную, весь этот божественный Оркестр Мироздания, а также наше собственное бессознательное, наш микрокосмос, над которым мы порой так же не властны, как над Природой и Вселенной? То есть сущность, включающую в себя всё, кроме думающего ума? Всё то, от чего этот ум так или иначе всегда зависим? Отчего бы малому не склониться перед великим? И тогда вопрос уже не в том, есть ли Бог *кроме* того, что есть, а в том, называть ли Богом то, что уже не-

сомненно есть. Так свершается переход от олицетворения как поэтического приема к мировоззренческой Олицетворенности Бытия. Ведь Бог богат дорогами, и у каждого она своя. И между этих дорог есть поэтические тропы*.

А теперь кави-йогу остается совсем немного – слегка забыть обо всех этих рассуждениях и с опорой на яркое воображение смело оторваться и полететь в светлое пространство высокого религиозного чувства. Аллилуйя!

Хвалите Господа. Таким образом можно «громко» выразить Безмолвие, громко воспевая Образ Творца, всплывающего из его глубин. Воспринимать Божественное метафорически имеет смысл не оттого, что «Бога нет», а оттого, что «богам как бы приятно косвенное и ненавистно прямое»**. От этого поэзия, может быть, – самая подходящая обитель для нисхождения божественного.

Александр Мень говорил, что для христианского художника его искусство и есть его молитва. Вероятно, это верно для художников всех религий вообще. *(Господь, я преклонил колени. /Позволь восславить Тишину, /как тайный вход в Твою страну, /как Путь в сады Твоих владений. /О миг ликующего транса /под куполами Тишины /на лонже тающей струны /над гладью спящего романа...)*

Ибо сказано: «хвалите Его на струнах и органе. Всё дышащее да хвалит Господа!»***

* «Троп» — слово или оборот речи в переносном, иносказательном значении.

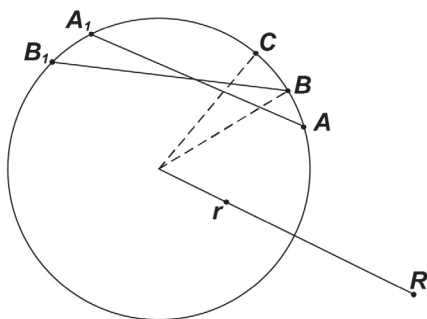
** Брех. Упанишад.

*** Псалтирь, глава 150.

Неэвтерпова геометрия

В каждой шутке есть доля шутки. Рассмотрим такую шутко-метафору. Представим себе сознание, как круг (круглая голова). Допустим, на поверхностном уровне (на окружности) есть слово (в точке A), к которому надо подобрать рифму. Слово в рифму нашлось на окружности в точке A_1 . Чтобы его «подставить», надо соединить A и A_1 смыслом, смысловым лучом, хордой, которая на мгновение пересечет часть круга и осветит, «встревожит» образы, гештальты, которые когда-то «застряли» по ходу луча, на некоторой глубине, внутри круга. Чем, собственно, в свое время и наполнили сознание автора содержанием, сформировав круг его представлений.

«Сдернутые», они, естественно, поплывут по радиусу к поверхности, где будут осознаны и воплотятся в новом слове на поверхности в точке B . К нему опять найдется рифма в точке B_1 . Новая хорда BB_1 перережет круг новым лучом и стронет, заденет собой новые содержания. Чем дальше отстоят по смыслу рифмующиеся слова (чем дальше друг от друга точки на окружности), тем более глубокие, тонкие, чистые слои (под)сознания активизируются. А если они отстоят по диаметру... Оо..!

Продолжим метафору. Рассмотрим тот же единичный круг (ту же голову). Предположим, сознание отражает внешний мир (внешность круга) внутрь себя простейшим образом – по инверсии. Это отражение по формуле $r=1/R$. Т.е. если точка вне круга находится на расстоянии R от центра, то она отразится в точку, находящуюся на том же радиусе на расстоянии $1/R$ от центра. При таком отражении «близкие» предметы, имеющие к человеку прямое отношение, отражаются неглубоко в сознании. А вот если поэт сосредоточивается на глобальных вещах, на дальнем, – на судьбе всего человечества, на сотворении мира, на царствии небесном, то это отражается в его сознании ($1/R$) близко к центру– а, следовательно, является причиной и следствием активизации всё тех же глубоких слоев (*И раз, Господь, на оба края давит кладь, / и отрицательность — опора бытия. / Так не давай же недалеким отрицать / необозримые далекие края*). Может, от этого поэты всегда так любили глядеть вдаль...

Метафоры Бытия

Поговорим о радостном — о метафоре ада и рая. Рассмотрим чисто материалистический аналог, в котором всё сознание и бессознательное умирает вместе с телом за несколько минут. Известно, что во сне изменяется субъективное ощущение времени. Бывает, что человек видит множество событий, а потом просыпается и понимает, что отключился на несколько секунд. В медитации тоже искажается ощущение времени. Можно предположить, что когда человек уходит из жизни навсегда, то сначала угасает сознание, кора, затем различные слои бессознательного. Это может объективно длиться недолго, но субъективно — вечно. Это зависит от того, что будет угасать быстрее — способность хоть что-то ощущать, или способность «правильно» оценить время. Получается неопределенность вида 0/0, когда результат зависит от того, что быстрее стремится к нулю. Ведь оценить, что «на самом деле» он спал недолго, человек сможет, только проснувшись. Если пробуждения нет, то нет и восстановления «критического отношения» к времени. И так человек проваливается в «вечное» блаженство или в «вечное» страдание.

А от чего это зависит? Допустим, подсознание заполнено «вытесненными» содержаниями. Если человек жил праведно, то у него и в подсознании, в глубине, всё чисто и исполнено светлыми образами, мыслями о Всевышнем и т.д. И он попадает в субъективный рай. Если нет, то в подсознании невротически вытесненные «плохие» содержания, т.е. муки. Говорят же, что «Бог иногда прощает нам наши грехи, а нервная система — никогда». Ведь заповеди, и христианские, и общечеловеческие, — это охранительные тенденции для нашего и внешнего, и внутреннего, подсознательного, невротического благополучия. Совершил грех, что-то вытеснил (а иначе не бывает, даже если сам себя убедил, что не виноват) и по-

степенно «замусорил» чистое бессознательное. А потом, при переходе в небытие, человек проходит это бессознательное, но уже вечно.

Можно еще немного расширить модель и представить себе, что не вечно, а очень долго (смотря, что быстрее стремится к нулю), а потом всё же минует ту часть подсознания, где хранилось «вытесненное», и, наконец, попадает в глубокие слои бессознательного, которые исполнены блаженства. И в этом блаженстве он уже пребывает вечно, постепенно сливаясь с гармонией Мира. Вот и получается модель не только ада и рая, но и чистилища.

Всё это внушает оптимизм. Мы будем жить счастливо, долго и праведно (еще не поздно), наслаждаясь жизнью, а потом перейдем к чистому блаженству Абсолютного Бытия.

Стихи по случаю

...по случаю дня рождения старшего брата:

О.П.!

*«...в "день восхваления". По стародавнему обычаю
все визири, вельможи, мудрецы и поэты
...соревновались перед лицом эмира в наилучшем
восхвалении его».*

(Повесть о Ходже Насреддине)

Он совершенство, он кумир,
Он украшает пир и мир.
Умен, решителен, конкретен,
Красив, замотан и заметен.

Он д'Артаньян и Робин Гуд.
Он бодр и добр. Корректно крут.
Спортсмен, ученый, джентльмен.
Маяк в эпоху перемен.

...по случаю минутного сомнения:

* * *

Идет идеальная пара
на фоне закатных абстракций,
поет золотая фанфара
и не дает расслабляться.

Фанфара, как фанфарон,
сверкает в житейской юдоли,
а пара идет без препон...
По небу идет она, что ли?

...по случаю Хэллоуина:

Жар

На выгнутой дуге огня,
мой дух в агонию гоня,
гнусаво гневно гомоня,
гнобили гоблины меня.

...по случаю дискуссии о загробной жизни кошек:

Эпитафия коту Жакоте

Покоится шкурка под сенью цветов,
Жакотя свободен от тленных оков.
Сметанные гущи больших облаков –
небесные кущи. Там души котов.

...вольный перевод с исп .:*

Бесаме мучо

Будь со мной, больше не мучай,
Не мучай сомнением себя в эту зыбкую ночь.
Будь со мной, больше не мучай,
Счастье должно нам в преддверьи разлуки помочь.

Страшно терять тебя,
Но не теряется
Нежность, забывшая страх.
Если расстанемся,
Вечно останешься
Запечатленной в глазах.

* Консуэло Веласкес «Bésame mucho».

Normal distribution*

$$p(x) = \exp(-x^2/(2\sigma^2))/((2\pi)^{1/2}\sigma)$$

K. Gauss

I'm looking at the bell of Gaussian curve
and see so stable and so tall it is
above the midst of human tribe – where chance
of being normal more than real is.

I'm cogitating how heavily, however,
it weighs upon the borders – its support,
on those, who are out of the crowd
or marked with sign, who are too great or small.

Who're backing like the caryatids
the vault lest it comes crashing down
on stronghold of the earth abscissas
by sonorous apocalyptic blow.

And as far as my Lord put burden on
those both extremes, it seems
that negativity is one of basic things,
don't let the limited deny extremes.

Do Thou see them: cripples, saints and headsmen,
and fools and sages that nobody recognized?
Tell me, my Lord, do Thou see extremes?
Grant godforsaken home to them in Paradise!

* The normal or Gauss distribution law tells that the more is deviation from average, the less it is probable. Corresponding chart looks like cupola with maximum above the average and edges, that diminish to zero at infinity.

Перевод на англ. Л. Вагуриной, в редакции автора русского текста (стр. 12).

СОДЕРЖАНИЕ

Из цикла «Флигель Гликерии»

“Кружат кривые чудеса...”	3
“Тлеющих яблок запах нетленный...”	3
“Похож на приоткрытые ладони...”	3
Дыхание мантры	3
“Сталактиты морозной поэзии...”	4
“Мы жили на даче в период удачи...”	4
“Лунный свет очень нежно...”	5
Закат	5
Московская жара	5
Изнанка весны	6
“Уютная печаль...”	6
“Живу, как крашу дней квадраты...”	7
Фиалки и буря	8
“Цветок распускается взрывом...”	9
Зимние тучи	9
“Я стягиваю узкий свитер через голову...”	9
“Шуршали листья под ногами привидений...”	9
Осенний вариант	10
“Весна... За что мне такое счастье...”	10
“Мерцает век под скальпелем искусства...”	11

Из цикла «Нормальное распределение»

Нормальное распределение	12
Осень	13
Сумерки	13
“На кухне сядем мы, обсудим день и дом...”	14
“Летела веселая ведьма...”	14
На даче	15
“Проследишь ли изгиб геральдической линии...”	15
Об одном поэте	16
“В престранный час я осознала суть...”	16
Эйфория	17
“Жизнь сегодня прекрасна вдвойне...”	17
Первое января	18
“Кот наяривал на скрипке...”	18

Сонет.....	19
“Серебристая, ночная...”	20
“Лёгкие белые занавески...”	20
“Сегодня над белыми розами...”	21
Сплетения.....	22

Эссе

Кави-йога.....	23
Неэвтерпова геометрия	31
Метафоры Бытия	33
Стихи по случаю.....	35
Normal distribution	37

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха "СЛОВЕСНОСТЬ"

**Татьяна Юрьевна Пацаева
ФЛИГЕЛЬ**

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор — Евгений Степанов
Компьютерная вёрстка — Марина Кива

Заказное издание

Книга выпущена в авторской редакции

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 100 экземпляров.
Сдано в набор 31.10.2013
Подписано в печать 15.11.2013

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978-62-75